

Журнал и сценарий -
2006 - февраль (№ 3) -
- 416

«В этом мире разлука лишь прообраз иной»

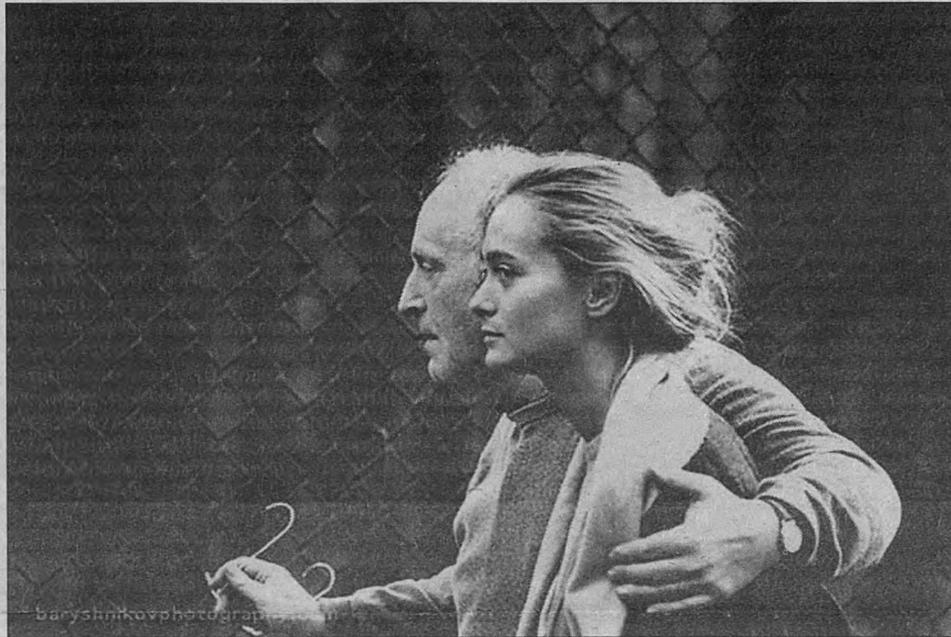
Десять лет назад умер Иосиф Бродский. Как истинный поэт он предчувствовал свою смерть.

Век скоро кончится, но раньше кончусь я. Это, боюсь, не вопрос чутья. Скорей — влияние небытия.

С тех пор стало множиться число близких ему людей, вышли книги воспоминаний, в том числе и в жанре "новой искренности", в них сквозит зависть к усопшему; кому-то из тех, кто в Ленинграде 60-х считал себя поэтом ничуть не хуже, трудно смириться с судьбой нобелевского лауреата. Но это все "жизни мышь беготня". Между тем особость, отдельность Бродского бросались в глаза еще тогда, когда он был совсем молодым.

В нарядном зале Дома писателей на Шпалерной (по случайности или не случайности он находился на той же улице, что и Большой дом — ленинградская Лубянка) проходил устный альманах "Впервые на русском языке", собиравший аншлаги. Тексты, которые читали переводчики, далеко не всегда публиковались. Помню, как ведущий вечера Ефим Эткинд объявил Бродского. Он встал, но не пошел на сцену, а почему-то начал читать свои переводы Джона Донна с места. Тогда я впервые услышала, как Иосиф читает: это было не чтение, а скорее, волхование с какими-то удивительными, только ему присущими модуляциями. Он стоял на фоне окна, и свет делал его фигуру, его лицо в ореоле рыжих волос значительными, запоминающимися раз и навсегда. Потом мне посчастливилось еще несколько раз слушать его за столом, в разных компаниях, и всегда было ощущение радиации и гипноза, ни с чем не сравнимых.

В статье "Не касаясь самой поэзии (О Бродском)" ленинградского поэта и переводчика Поэля Карпа (он много сделал для легализации Иосифа, превращения "тунеядца" в члена профкома литераторов) есть небольшой эпизод, который стоит процитировать: "Однажды, возвращаясь верхней дорогой из Зеленогорска, я встретил Иосифа, ехавшего на велосипеде туда. Он слез и пошел в противоположную сторону меня провожать, катя велосипед за седло. Мы пересекли Морскую и дошли до Кавалерийской, где самый кру-

той спуск и нет асфальта. Иосиф сказал: "Вы меня подождете? Очень хочется съехать!" Сел на велосипед и, не без риска свернуть себе шею, мгновенно скатил вниз и в канаву все же не угодил. Потом, тяжело дыша, поднялся, и мы пошли дальше. Он оправдывался, что съехал неровно, но все равно был рад, что съехал. А власти — не только от него — хотелось, чтобы ехал себе в Зеленогорск (...) или уж упражнялся на велосипеде, если предпочитает. Непредвосхитимый человек ей мешал, даже ее не задевая. Но поэтический гений тем и интересен, что непредвосхитим.

...Если словом "гений" обозначать не густоту поэзии, а самую потребность обнажать незримые очевидности, Бродский в этой роли успешнее других. И советская власть его не по дурости с маниакальным садизмом сживала со света, и надо радоваться, что хоть ненадолго помилосердствовала и не сразу убила. Он отвергал ее не теоретически, а просто нарушая ее порядок своим криком, выплеском невозможности ее терпеть.

...Его друзья суетились, чтобы привезти прах на родину, проглядев, что он дожил до возможности вернуться туда живым, но и на неделю не захотел. И поэты следующего поколения, перенимая его манеру писать, не очень вглядывались в понятия и явления, ее определившие. А я вспоминаю, как он с трудом подымался по Кавалерийской, волоча велосипед, разом и разводя руками, и улыбаясь — не все, но все-таки вышло!" ("Вопросы литературы", № 4, 2005).

К годовщине смерти поэта канал "Культура" показал "Полтора кота" Андрея Хржановского (сценарий написан режиссером вместе с Юрием Арабовым). Образ Бродского здесь предстает "вне сплетен и клевет" как одна из лучших петербургских легенд. Из прекрасных пейзажей города, анимации

рисунков самого Иосифа, фотографий из семейного архива, из кадров, где снят мальчик, необыкновенно похожий на Бродского в детстве, режиссер свободно, легко и с очаровательным юмором оперирует не столько фактами биографии, сколько своим пониманием творчества поэта, отталкиваясь от его рассказов, от его фантазий.

"У соседей Анны Ахматовой был кот, огромный, рыжий, необыкновенно шумный. Она говорила про него: "Вот, знаете, это уже не кот, а целых полтора кота". А еще она говорила про мою милость: "Вы не находите, что он похож на Иосифа?". Помню один день, когда, проведя в Венеции месяц, я должен был уезжать, и позавтракал уже в какой-то маленькой трактирчике жареной рыбой и полбутылкой вина. И шурясь на солнце, я вдруг понял: "я кот, кот, съевший рыбу". Обратись ко мне кто-нибудь в этот момент, я бы мяукнул. Я был абсолютно животным счастливым. Должно быть, я в прошлой жизни был котом. И хотел бы им оставаться".

За кадром звучит сладкая итальянская ария Неморино из "Любовного напитка", она сменяется мелодиями и шумами, которые сопровождали детство, отрочество и юность изгнанника. В фильме Хржановского Бродский вспоминает отцовский китель на спинке стула, мамино кимоно с драконами. "Я никогда не забывал о том, что являюсь сыном фотографа, и что моя память всего лишь проявляет пленку. Подобно тому, как у других отмеряют рост карандашными метками на дверном косяке, мой отец ежегодно в мой день рождения выводил меня на балкон и там фотографировал. Фоном чаще всего была вот эта площадь с собором Преображенского, его Императорского Величества, полка".

На экране — комнаты, в которых прошло детство Иосифа, фотографии отца. Через весь фильм проходят щемя-

щие звуки отъезда, характерный, невнятный голос, объявляющий номера рейсов. Ведь уезжая, Иосиф прощается с родителями навсегда, их не выпустят из страны повидаться с сыном. Удивительно, что в своих ранних стихах он предвосхищал грядущую разлуку.

Я задержался на календаре, итак, я оказался в январе

*(...)
Внезапно что-то стало нарастать, брат с раскладушки попытался встать, мать быстро поднялась из-за стола, и вверх взвилась, упав из рук игла, отец схватил свой фотоаппарат, из-под стола сверкнул кошачий глаз*

*(...)
Я трубку снял и тут же услышал:
— Не будет больше праздников для вас не будет собутыльников и ваз не будет вам на родине жилья...*

"Полтора кота" не рассказывает о травле Бродского, о суде и ссылке "отщепенца". Для авторов важнее среда, время, настроение, в которых выросло поколение, и только один стал Иосифом Бродским. Как многие, Иосиф с восторгом смотрел "Тарзана": "Я полагаю, что свободомыслие, вообще раскрепощение сознания начали свое летоисчисление с "Тарзана". Это было кино, в котором мы увидели естественную жизнь и длинные волосы. Этот замечательный крик Тарзана, который стоял над всеми русскими городами. Все бросились подражать Тарзану. Вот с чего все пошло. Я утверждаю, что одни только четыре серии "Тарзана" способствовали десталинизации больше, чем все речи Хрущева на XX съезде".

Кадры из фильма "Тарзан" органично вписываются в "Полтора кота", но невольно думаешь, что значит гений и "из какого сора" складывается мироощущение большого поэта. Бродский чудесно рассказывает о коллекциях пластинок "на костях", то есть на рентгеновской пленке с записью джазовой музыки, о своей любви к танго "Компарсита" (оно была выпущена на маленькой пластинке фирмой "Мелодия").

И все-таки поэтом сделал Бродского сам город, "где статуи вырастают на крышах". Его семья жила на Литейном, угол Пестеля в доме Мурузи (где когда-то обитали Зинаида Гippiус и Дмитрий Мережковский, где сегодня можно видеть мемориальную доску Бродскому), отсюда до Летнего сада — рукой подать. "Наша улица Пестеля, поначалу называвшаяся Пантелеймоновской, по названию церкви, что маячила в ее конце, приводила вас в Летний сад. В этом же конце улицы жил Пушкин, писавший жене: "Летний сад — мой огород, я, вставши от сна, иду туда в халате и в туфлях". Эту тему Пушкин — Бродский Андрей Хржановский интерпретирует "в сне" Иосифа, за ним, как за пушкинским Евгением, слышится тяжелозвонкое скаканье Ленина на броневике.

В финале звучат стихи, строчка из них стала названием статьи. В фильме Андрея Хржановского разлука с Бродским оказалась волнующей встречей с ним.

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ
• Иосиф Бродский с женой Марией.
Фото Михаила БАРЫШНИКОВА
• Рисунки Иосифа Бродского

